

СТИВЕН
КИНГ

ЧЕТЫРЕ ПОСЛЕ
ПОЛУНОЧИ



Издательство АСТ
Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ровно в полночь

*В пустыне
желтовато-пастельной
увидел я его, в чешуе змея,
косматого, грязного, грозного.
Сжался, нелеп и наг,
от боли зверея,
сердце в ладонях стискивал.
Грыз его. Выл с тоски.*

*Спросил я: «Вкусно ли, друг?»
Дернулся он — вздрогнул.
«Горько, — ответил, — горько.
Жжет — гарью да горем,
огненным привкусом перца.
Да мне — по вкусу,
горько оно — гордо...
Ведь это ж — мое сердце».**

Стивен Крейн

*Детка, я стану тебя целовать.
Исполню все, что дерзнул обещать
в полночный глухой час...*

Уилсон Пикетт

* Перевод Н. Эристави.

Вы только посмотрите — мы уже здесь. Снова с этим справились. Я надеюсь, что вы также счастливы, как и я. Все это напоминает мне об одной истории, а поскольку я зарабатываю на жизнь (и держу себя в тонусе) рассказыванием историй, то и перехожу к ней.

Пишу я все это в июле 1989 года. Меня словно громом поразило, когда я сидел перед телевизором и смотрел, как бостонские «Красные носки» играют с милуокскими «Пивоварами». Робин Йонт, играющий за «Пивоваров», как раз вошел в «дом», и комментаторы начали обсасывать тот факт, что Робину еще нет и тридцати пяти.

— Иногда кажется, что Робин помогал Абнеру Даблдею делать первые шаги, — говорил Нед Мартин, когда Йонт повернулся к Роджеру Клеменсу.

— Да, — соглашался Джо Кастильоне. — Он пришел к «Пивоварам» сразу после школы, думаю, он играет с 1974 года.

Я аж подпрыгнул, чуть не вывернув на себя банку пепси-колы. «Минуточку, — спохватился я. — Подождите минуточку! В 1974 году я опубликовал свою первую книгу! Это было не так уж и давно! Что он несет насчет первых шагов Абнера Даблдея?»

И тут я подумал, что скорость времени — тема, которая снова и снова будет возникать в нижеизложенных историях, — каждым воспринимается по-сво-

6 ему. Действительно, «Кэрри» опубликовали в 1974 году (точнее, весной, за два дня до открытия бейсбольного сезона, в котором Робин Йонт сыграл свои первые игры за «Пивоваров»), что, по моему разумению, совсем недавно, но есть и другие события отсчета времени. Исходя из некоторых из них, пятнадцать лет — большой срок.

В 1974 году Джеральд Форд был президентом Соединенных Штатов, а шах еще правил Ираном. Джон Леннон был жив, так же как и Элвис Пресли. Донни Осмонд пел со своими братьями и сестрами. Уже появились на рынке домашние видеомагнитофоны, но в продажу поступили лишь экспериментальные модели. Знатоки предрекали их всеобщее распространение, утверждали, что «бета-стандарт» фирмы «Сони» превратит своего соперника, VHS, в пыль. Даже перспектива того, что люди будут брать напрокат любимые фильмы, как книги из библиотеки, была еще далеко за горизонтом. Цены на бензин поднялись до заоблачных высот: галлон обычного стоил сорок восемь центов, этилированного — пятьдесят пять.

У меня еще не засеребрилась первая седина. Моей дочери, ныне студентке второго курса колледжа, было четыре года. Старший сын, теперь выше меня ростом, тогда получил свой первый тренировочный костюм. Мой младший сын, сейчас играющий за детскую бейсбольную команду в чемпионате малой лиги, родился только через три года.

Забавная штука — время. Когда ты садишься в автобус, кажется, что он увезет тебя недалеко, может, на другую окраину города. Но вдруг — бах! И ты уже проехал полконтинента. Вы находите эту метафору наивной? Я тоже, но это не так уж и важно. Главное то, что время совершенно, поэтому даже такие сухие наблюдения, вроде приведенных мною выше, остаются без отклика.

Одно не изменилось за эти годы, как мне представляется, — главная причина, благодаря которой

мне (возможно, и Робину Йонту) кажется, что время остановилось. Я занимаюсь все тем же: пишу истории. И не просто пишу, а по-прежнему люблю это дело. Поймите меня правильно — я люблю жену, я люблю детей, но все так же нахожу удовольствие в поиске нехоженных дорог, прогулке по ним, знакомстве с теми, кто там живет. Интересно, знаете ли, посмотреть, что они делают, с кем и даже почему. Я все еще люблю необычность этих путешествий; особенно мне дороги в них моменты, когда поднимается туман и все становится ясным и понятным. В каждой истории главное — ухватить тигра за хвост. Зверь быстр, иногда это получается не сразу, но если уж удастся, то моя хватка крепкая, и мне становится очень хорошо.

Эта книга намечена к публикации на 1990 год, то есть пойдет шестнадцатый год моих трудов на ниве беллетристики. Где-то на полпути, когда меня давно уже окрестили (не пойму почему) специалистом по «ужасикам», я опубликовал книгу под названием «Времена года». Она включала четыре ранее не публиковавшиеся повести, три из которых никак не попадали под категорию «ужастик». Издатель взял книгу не без некоторой доли сомнения. Я это знаю, потому что и сам сомневался. Как выяснилось, мы оба волновались напрасно. Иногда писателю удается опубликовать книгу, которой сразу уготована счастливая судьба. Такой вот книгой стали для меня «Времена года».

Одну из повестей, «Тело», экранизировали, и фильму «Стой рядом со мной» сопутствовал немалый успех. Это была первая действительно удачная экранизация моего произведения после «Кэрри» (фильм вышел на экраны, когда Робин Йонт сам делал первые шаги в профессиональном бейсболе). Роб Рейтер, снявший «Стой рядом со мной», — один из лучших режиссеров, с кем мне довелось повстречаться, и я горжусь тем, что работал вместе с ним. Меня позабавило, что после

8 успеха фильма «Стой рядом со мной» мистер Рейтер создал кинокомпанию, которую назвал «Касл-Рок продакшн». Думаю, некоторые слова в этом названии покажутся знакомыми моим давнишним читателям.

Большинству критиков книга «Времена года» тоже понравилась. Хотя почти все они набрасывались на одну из повестей. Правда, в жертвы выбирались разные герои, потому я чувствовал, что не должен принимать их нападки близко к сердцу... и не принимал. Такое удастся мне не всегда. В большинстве рецензий «Крестину» заклеямили как неудачный роман, мне пришлось согласиться с тем, что я, возможно, где-то что-то недотянул. Однако эти рецензии не остановили поток переизданий и, соответственно, приходящих на мое имя чеков с причитающимся гонораром.

Я знаю писателей, которые утверждают, что не читают критических статей, и двоим я верю. Они действительно не читают. Я же не такой, как эти двое, обожаю плохие рецензии и всегда размышляю над ними. Но надолго они мне настроение не портят. Достаточно укокошить несколько старушек и малолетних детей, и я снова в отличной форме.

Самое главное, что читателям книга «Времена года» понравилась. Я не помню ни одного письма, автор которого отругал бы меня за то, что я посмел написать нечто, отличное от «ужастика». Большинство читателей спешили сообщить мне, что одна из повестей разбудила их эмоции, заставила думать, чувствовать, и эти письма стали самым дорогим вознаграждением за мои труды. Господи, спаси и сохрани Постоянного читателя! Уста могут говорить, но истории не получится, если не будет внимательно слушающего уха.

То был 1982 год. Милуокские «Пивовары» выиграли первенство Американской лиги, ведомые, естественно, Робинот Йонтом. Йонта в тот год признали Самым ценным игроком лиги.

То был хороший год для нас обоих.

Специально я не планировал писать «Времена года». Так уж получилось. Четыре разные истории рождались в разное время на протяжении пяти лет. Для рассказа слишком длинные, для отдельной книги — слишком короткие. Случается и такое, знаете ли. Меня очень порадовал успех этой книги, в то же время я испытывал сожаление, отправляя рукопись в «Викинг-пресс». Я знал, что книга хорошая. Но я знал и то, что второй такой книги мне уже скорее всего не написать.

Если вы думаете, что сейчас я скажу: «Ах, как я ошибался», то вас ждет разочарование. Книга, которую вы держите в руках, совсем не похожа на более ранние. «Времена года» включали три «обычные» повести и лишь одну о сверхъестественном. В этой же книге все четыре повести можно назвать «ужасниками». Они написаны за два последних года, когда я вроде бы удалился на покой, и несколько длиннее тех, что входили во «Времена года». Возможно, они другие и потому, что их замыслы родились в сознании, обратившемся, по крайней мере временно, к темным аспектам нашего бытия.

Например, ко времени и его разрушительному влиянию на человеческое сердце. Или к прошлому, тени которого падают на настоящее... тени, в которых произрастает что-то малоприятное и скрывается что-то еще менее приятное... чтобы иной раз выйти из тени.

Далеко не все мои принципы изменились, наоборот, в большинстве из них я еще больше укрепился. Я по-прежнему верю в жизнерадостность человеческого сердца и в особую силу любви. Я по-прежнему верю, что люди могут найти друг друга и души, которые живут в нас, иногда соприкасаются. Я по-прежнему верю, что цена этих соприкосновений невероятно высока... но польза, которую они приносят, значительно перевешивает цену, которую приходится за это платить. Я по-прежнему верю в приход эпохи Непорочности и в то, что человек должен найти свое место в жизни...

10 и защищать его до последней капли крови. Все это старомодные принципы, но я был бы лжецом, если б не признал, что так и не отказался от них. Все они по-прежнему со мной.

И я также люблю хорошую историю. Люблю слушать и люблю рассказывать. Вы, возможно, этого не знаете (а может, вам без разницы), но мне заплатили много денег за публикацию этой книги и двух последующих. А известно ли вам, что я не получил ни цента за написание повестей, собранных под обложкой этой книги? Как и все, что происходит само по себе, процесс создания литературного произведения в деньгах не оценить. Иметь деньги очень даже хорошо, но когда речь заходит о творческом акте, про деньги лучше забыть. Можно загубить процесс.

Полагаю, что свои истории теперь я рассказываю несколько иначе (надеюсь, что лучше, но, разумеется, об этом каждый читатель вправе судить сам). Когда «Пивовары» победили в 1982 году, Робин Йонт играл на краю, нынче — в центре. Наверное, немного потерял скорость... но по-прежнему ловит все, что летит в его направлении.

Меня такое вполне устраивает. Все идет нормально.

Поскольку многих читателей интересует, а откуда же берутся все эти истории и не являются ли они некими составными в более широком замысле автора, к каждой из историй я написал предисловие о том, как возникла та или иная идея. Эти предисловия могут вас позабавить, но, если не хотите, можете их и не читать. Это не задание на дом. Слава Богу, контрольную вам писать не придется.

Позвольте закончить, повторив, что как хорошо снова быть с вами, снова с вами говорить... как приятно осознавать, что и вы здесь и готовы пойти в другое место... место, где у стен есть глаза, а у деревьев — уши, где что-то ужасное пытается найти дорогу из подвала или с чердака туда, где живут люди. Эти коллизии все

еще интересуют меня... но я думаю, что еще больше меня интересуют люди, которые могут слушать, а могут и не слушать мои истории. 11

Прежде чем поставить точку, я должен сообщить вам, как закончился бейсбольный матч. «Пивовары» взяли верх над «Красными носками». Йонт (тот самый, что учил Абнера Даблдея делать первые шаги на поле) показал себя молодцом.

Робин еще не сыграл свою последнюю игру.

Я тоже.

*Бангор, штат Мэн
Июль, 1989*

ЛАНГОЛЬЕРЫ

Один после полуночи

Посвящается Джо, одному из пилотов

Предисловие к «Лангольерам»

Сюжеты приходят ко мне в разное время и в разных местах: в автомобиле, в душе, на прогулке, даже на вечеринках. В двух случаях они мне приснились. Но очень редко я начинаю писать, как только у меня сверкнет идея. И у меня нет «блокнота сюжетов». Я не записываю идеи и считаю, что это правильно. Возникает их множество, но лишь немногие из них действительно хороши, однако все без исключения идеи я отправляю в картотеку, которая хранится у меня в голове. Плохие там потихоньку распадаются, поэтому, открыв картотечный ящик и посмотрев, что у меня в загашнике, я нахожу только несколько отличных сюжетов, и каждый с ярким центральным образом.

В «Лангольерах» этот образ — женщина, прижимающая руку к трещине в фюзеляже пассажирского самолета.

Нет нужды говорить, что сам я знаю о пассажирских самолетах очень мало. В этом ни у кого не должно быть сомнений, но образ женщины возникал всякий раз, когда я заглядывал в картотеку в поисках нового сюжета. Такой четкий образ, что я даже ощущал духи женщины — назывались они «L'Envoi»*, — видел ее зеленые глаза, слышал испуганное, учащенное дыхание.

Как-то вечером, лежа в постели и уже засыпая, я понял, что эта женщина — призрак.

* Послание (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

Помнится, я сел, перекинул ноги на пол и включил свет. Какое-то время посидел, не думая ни о чем... по крайней мере сознательно. А вот в подсознании парень, который в действительности делает за меня всю работу, уже трудился, очищая рабочее место и готовясь запустить все свои машины. На следующий день я (или он) начал писать эту повесть. На это ушел месяц, и она далась мне легче, чем остальные повести в этой книге, слово ложилось за словом, эпизод за эпизодом. Иной раз истории и дети выходят на свет Божий без особых мук, эта повесть — тот самый случай. Из-за чувства обреченности, делающего эту повесть несколько похожей на более раннее мое произведение, «Туман», я решил давать каждой главе старомодные подзаголовки. И закончил я повесть в отличном настроении, с пониманием того, что она удалась... такое со мной случается редко.

Я не привык копаться в деталях, но на этот раз пришлось затратить немало времени на подготовку. Трое пилотов — Майкл Руссо, Френк Соарс и Дуглас Деймон — помогли мне ничего не перепутать. Стоило мне пообещать, что я ничего не разобью в кабине самолета, и они лезли из кожи вон, чтобы снять все мои вопросы.

Все ли я понял и записал правильно? Едва ли. Это не удалось даже знаменитому Даниелю Дефо. В «Робинзоне Крузо» его герой, раздевшись догола, плывет на корабль, который недавно покинул... а затем набивает карманы всякой всячиной, которая может понадобиться ему на необитаемом острове. А в одном романе (опущу и автора, и название) о нью-йоркской подземке писатель принял кабинки ремонтников за общественные туалеты.

Тут у меня *подход* однозначный: если я что-то изложил правильно — спасибо господам Руссо, Соарсу и Деймону. Если где ошибся — моя вина. И дело не просто в вежливости. Фактологические ошибки не есть результат неверного толкования полученной ин-